

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-77-94>

УДК 130.2+39+81

ББК 87.21+81

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Л.А. Максименко

г. Омск, Россия

МЕТАФИЗИКА ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Актуальность задана неоднозначностью понимания «своего-чужого» в отношении границ мира, определяемого родным языком. Предположим, «всякий язык может быть выучен так», что мы, уже не нуждаясь в переводе, сможем «думать на этом языке» [7, с. 448]. Однако сможем ли мы на нем *мыслить*, если в русском языке это не одно и то же? Можно ли им овладеть (как обычно выражаются), сделав *своим собственным*? В статье предлагается взглянуть на «войну языков» как идею Ноомахии (глубинной «войны умов») и предпринимается попытка найти ее следы. Выделенные автором грамматические особенности русского и английского языков трактуются как их *собственные* логосные структуры, проявляющиеся в синтаксисе (хаос vs порядок); в способе говорения человеком мира (высказывание vs предложение); в различии философского предела посесивности («лингвистическая собственность vs послушность») и «грамматических центров» (глагол vs существительное). Они выражают онтологические и философско-антропологические, а также социокультурные аспекты ментально-языковых различий и метафизически-конфликтующие комбинации Логосов Ноомахии. В русском языке доминируют дионисийский и аполлонический; в английском — аполлонический и кибелический, что отражается в психоэмоциональной конституции русских и англичан и культурно-языковых нормах. Английский — «язык времени», русский — «язык пространства». Русский язык и ментальность *квалитативны*, английские — *квантитативны*. Одни — «носимые» языком, другие — его «носители». Английский язык редуцирует бытие к налично существу, русский — прорывается к бытию. Масштаб различий столь велик, что допускает их интерпретацию в рамках спекулятивной гипотезы Ноомахии применительно к сфере языка.

Ключевые слова: язык, ментальность, логосная структура, культура, онтология, бытие.

Информация об авторе: Людмила Александровна Максименко — доктор философских наук, доцент, Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Ленина, д. 12, 644099 г. Омск, Россия; Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, ул. Институтская площадь, д. 1, 644008 г. Омск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4779-7411>

E-mail: msw60@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 28.01.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Максименко Л.А. Метафизика языковой ментальности: к поставке проблемы // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 77–94.

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-77-94>

Введение

Г. Гадамер определил язык как «предвосхищающую истолкованность мира»: «С нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» [8, с. 29]. Чужой язык предполагает иную членораздельность мира, иной способ расчленения и собирания мира. Расчленение, различение — это работа ума. Вот здесь начинается проблема, питающая философско-культурные теории партикуляризма, — ум в нас разный!

Можно предположить, что «война и мир языков и культур» [25], как и войны людей, — «лишь бледные копии войн, в которых участвуют боги, титаны, гиганты стихии, демоны и ангелы. А те, в свою очередь, лишь образные фигуры, иллюстрирующие еще более грозные и глубинные войны, развертывающиеся в Уме, в области Нуса (*νοῦς*) и на его пределах» [15, с. 10–11]. Эта вездесущая Ноомахия преломляется в культуре через различие ментальностей (от англ. *mental, mentality* — ум).

Термин «языковая ментальность», означающий «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [17, с. 11], в некотором смысле тавтологичен. Ментальность находится в такой связи с языком, которая замыкает их в герменевтическом круге. Язык (речь), мышление, ум (раз-ум) мыслимы как разные проекции всеохватного Логоса.

Логос, буквально означающий «сбор», это собирающее основание культуры. Мир собирается в целое мышлением и языком. Идея *единого* Логоса, выражаемого по-разному национальными языками-логосами, восходит от Гераклита к В. Гумбольдту и его последователям.

В XX в. единство Логоса было поддержано в теории универсальной грамматики Н. Хомского [56], но поставлено под сомнение в гипотезе лингвистической относительности, радикализовавшей роль языка. Он оказался ответственным за тип рациональности, базовую парадигму мышления и способ познания мира. Как следствие открылась невозможность полного перехода в чужую языковую ментальность. В чужом языке всегда остается то, что принципиально непереводаемо и непонятно.

Эта мысль выражена в концепции культурного разнообразия Г. Гачева через «образный априоризм» «Космо-Психо-Логосов», располагающий в своих силовых полях все содержание конкретной культуры. Автор утверждает идею особого «Национального Ума» (Психо-Логоса), образующего глубинный фундамент существования каждого народа, определяющий и объясняющий все — политику, экономику, историю, культуру, «национальные логосы» и даже «национальные логики» [10, с. 820].

Современная вариация проблемы лингвистической относительности еще больше акцентирует лингвоспецифичность, вплоть до отрицания универсальности понятия слова (логоса) [3, с. 429]. В то же время философия, утверждающая, что «мир есть в той мере, в которой он мыслится Умом», ставит вопрос о множественности Логосов: это не только светлый Логос Аполлона и темный Диониса, но и еще одна структура рациональности — черный Логос Кибелы. Войной между ними определяется историческая динамика палитры *любых* элементов в системах той или иной культуры [15, с. 36].

Если принять эту гипотезу, то «война» в области языка может быть метафизически осмыслена как Ноомахия. Тогда ее следы следует искать в различии языковых ментальностей, устройства языка, его бытия в культуре. «Опаснейшим» и «твердостным умом» М. Грек считал грамматику [38, с. 303]. Поскольку «любая грамматика “буквально” философская» [14], постольку есть основание связать указанные различия с принципиальной конфликтностью *собственных логосных структур языков* — их грамматических особенностей, понятых в контексте сложной сцепленности Логосов Ноомахии, особой для каждого языка.

Синтаксис: хаос vs порядок

Синтаксис выражает то, *как* мир собирается в нечто целое — и *способ* сборки, и его *качество*. Синтаксические особенности русского и английского языков могут быть помыслены как оппозиция *дионисийского* и *аполлонического* Логосов. Такая возможность скрыта в принадлежности их к разным грамматическим типам.

Логос Диониса обнаруживается в *синтетическом строе* русского языка, самостоятельности слова, единении его грамматического и лексического значений, синтаксической вольности. «Вращательность» и сложность русского синтаксиса подобны пластичности бога Диониса, «вздымающегося из первородной глубины», ставящего «под сомнение всякий порядок, в котором намеревается жить человек» [55, с. 188]. Дионисийский дух общинного единения проявляется в языке согласованием членов предложения, гибкостью слова, связанностью синтаксиса. Исходящий от «бога достатка», он вдыхает в русский язык избыточность создания и выражения смысла, вводит плеоназмы в русскую речь. Поэтому магичное и заклинательное русское слово «любит синонимические повторы, наслаждаясь тем, как одно и то же может по-разному выражаться» [29].

Логос Аполлона присутствует в *аналитическом строе* английского языка. Английское слово информативно и кратко. Аполлонический принцип индивидуации лексически обособляет слово, ограничивает его номинативные возможности, лишая онтологической весомости. Грамматическую характеристику слово приобретает лишь в составе предложения с ненарушаемым порядком слов. Аполлонический порядок выражен жесткостью и простотой английского синтаксиса. Английский язык избегает «длинных фраз с придаточными предложениями» и повторов, в нем приживаются «экономящие время структуры» [48].

Онтологический аспект ментальноязыковых различий можно пояснить формулой О. Шпенглера: «Время рождает пространство, пространство же убивает время» [54, с. 335]. Английский язык сильнее «чувствует» первую часть этой формулы, русский — вторую.

Английский — «язык времени». Исторически разросшееся разнообразие временных форм глагола (tense) выдает обостренное переживание времени (time). Энергия этого переживания сублимировалась в попытках монетизировать время и освоить новые пространства. Английский — наиболее успешный из колониальных языков, он и сегодня претендует на мировое господство. Его нынешний успех обязан колониальной и торговой экспансии и гегемонии технологической модели англосаксонского мира [32; 30, с. 339]. В этом усматривается след аполлонического: уже у греков сформировалось представление об Аполлоне в том числе как покровителе колонизации [20, с. 346]. Непомерные колониальные амбиции обращают на себя внимание в символическом названии американской космической программы «Apollo».

Русский — «язык пространства». С развитием языка в нем исчезли многие временные формы, а оставшиеся попали под вопрос в теории вневременности русского глагола, которой придерживались многие лингвисты и философы XIX в. К. Аксаков отвергал время как грамматическую категорию, оно «теряется» [33], часто прячась в образы пространства.

Выкроенная «одна минуточка» и «just a minute» семантически различны в силу разного отношения ко времени [6, с. 119]. В монохронной английской культуре время дробится на части и упорядочивается в соответствии с аполлоническим Логосом. Но присутствие Логоса Кибелы заставляет обращаться со временем как с чем-то материальным (человек его зарабатывает, тратит, копит, экономит) [57, р. 29], превращая время в финансовый актив.

Для английской языковой ментальности характерна *количественная* спецификация времени. «Качество» оно приобретает с «часа»: hour day, year уже могут быть событийно заполнены, а фраза «till the moment» лишь указывает на точку во времени. Английский час может выступать в той роли, которую в русском языке выполняет мгновение [31, с. 193–194].

В полихронной русской культуре время «ведет себя» иначе: оно может быть и линейным, и цикличным, выражаясь в близких по смыслу словах «пора» и «время». Словно под властью дионисийского Логоса его обрывки притягиваются друг другу, собираясь вместе, расплываются в неопределенности «сейчас». Время «идет», пора «наступает», обнаруживая свою пространственность в таких оборотах речи как «пока-мест», «весна не за горами», «где-то около часа», «на склоне дня» и т. п. Для русской языковой ментальности характерна *качественная* спецификация времени. Язык как бы заявляет неуничтожимость качества как онтологического параметра. Внимательность русского языка к «качественным» нюансам кратковременности выдает в нем Логос Диониса — бога экстатического мгновения.

Русский язык и ментальность, в отличие от английских, можно назвать *квалитативными* (лат. qualitas — качество): в них большее значение имеет категория качества, чем количества. Для выражения «количества всего» в русском языке используется слово — «много». Русские не считают, «они — оценивают (такой уж у них язык)» [17, с. 557]. Английский язык чувствителен к нюансам счета (many и much). В нем money неисчислимы.

Философско-антропологические и социокультурные аспекты ментальноязыковых различий сохраняют противостояние Логосов.

Вольность русского синтаксиса соответствует идеи хаотичности и непредсказуемости мира, которые интуитивно принимаются русскими как свои собственные. Силовое поле языка напрямую соотносит активную природную стихию и пассивную волю человека [1, с. 814]. Н. Бердяев усматривал в дионисийской стихии одно из двух начал русской души [35, с. 31]. П. Чаадаев сетовал на дефицит «устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики» [53]. А. Блок отмечал, что для русского человека «порядок мира всегда тревожен, он — родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими мыслями о том, что хорошо и что плохо» [37, с. 161]. Отсюда подозрительность и недоверие к культуре как рационально организованной системе мостков-гадей над болотистой топью бытия [4, с. 31]. Это мироощущение высказывается в знаменитых «авось», «небось» и «как-нибудь», проявляется в поразительной частоте употребления слова «вдруг» даже в современной речи [28, с. 149], о нем свидетельствует инертность русского бытия: «Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь» [34, с. 163].

Порядок английского синтаксиса согласуются с консервативностью, приверженностью к «своему» (клубу, газете, монархии, еде) как одной из характерных черт британцев. От английской идеи ненарушаемости ритуала производна американская идея «предсказуемости» (“predictability”), приведшая в современном мире к царствованию «стандарта» [21, с. 116].

С грамматическими особенностями языков корреспондирует различие в психоэмоциональной конституции их носителей.

Дж. Оруэлл видит «величайшее богатство английского языка» в спектре тона, позволяющем передавать тончайшие нюансы от высокопарной риторики до жесточайшей грубости». Но «англичане не жестикулируют», они очень сдержаны [48]. Это не только to keep stiff upper lip, но еще и understatement. Именно об англичанах говорят, что в их жилах течет не кровь, а вода [21, с. 115], а сами о себе они говорят: «The English do not have souls» [61, p. 10].

Английской сдержанности противопоставлена русская, трагически всеобъемлющая «притерпелость» [5, с. 35]. У слов, выражающих ключевые аспекты ментальности их носителей, совершенная разная семантика: сдерживать — значит «держаться», терпеть — значит «переносить тяготы». В первом случае — смысл борьбы, подавления, обороны, во втором — страдания. Страдание неразрывно с со-страданием, жалостливостью, чем объяснима чрезвычайная распространенность в русском языке уменьшительных форм прилагательных (с суффиксом -еньк) [5, с. 50].

Английская сдержанность может пониматься как *аполлоническое* подавление эмоционально-чувственного начала, русская терпеливость — как его *дионисийская* возгонка. Сублимированная энергия чувств и эмоций, связанных с терпением и страданием, свободно разливается в языке, придавая высокий эмоциональный накал русской речи, рождая обилие и разнообразие языковых средств для выражения эмоциональных оттенков. «В отличие от английского языка, русский исключительно богат “активными” эмоциональными глаголами», «большинство из которых не переводимо на английский язык». В англо-саксонской культуре *аполлонический Логос* проявляется в неодобрительном отношении к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств [5, с. 42–43], «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [5, с. 43].

Нерастроченная психическая энергия англичанина консервируется во «всемирно известном английском лицемерии» [48], атрибутивном для истинного британца: «If you want to be really and truly British, you must become a hypocrite» [61, p. 18]. Во многом это следствие «многовекового опыта предательств», благодаря которому «поневоле научишься скрывать свои мысли». Принцип «у Британии нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть только постоянные интересы» стал неизбежным следствием непрерывного маневрирования по всей политической арене [19, с. 6].

Семантика лицемерия контрастирует с рациональной простотой английского синтаксиса, в то время как сложная витиеватость русского синтаксиса вовсе не маскирует расхожее представление о прямоте русской души: «В типической русской душе есть много простоты, прямоты и безхитрности» [34, с. 163]. Даже на политической арене. «Немногие русские правители, способные участвовать в дипломатических маневрах, считаются у нас хитрецами и даже лицемерами, хотя по общеевропейским меркам — не говоря уж об английской традиции — они на редкость просты и откровенны» [19, с. 7].

В русской ментальности наблюдается подозрительное отношение к компромиссам, поскольку предъявляются «безмерные требования к жизни: все или ничего» [36, с. 14], в английской — наоборот: «Almost everything about life in England is a compromise» [61, p. 18]. В русском языке «конструкция “идти на компромисс” самой своей природой выражает некий трагизм — на компромисс идут, как на плаху» [27, с. 114]. Английский глагол to compromise непереводим на русский язык. В русской языковой картине мира «компромисс находится под подозрением и не входит в число культурно значимых ценностей» [27, с. 114]. Они выстраиваются вокруг абсолютных центров: русский народ «жаждет абсолютного и не мирится ни с чем относительным» [34, с. 163].

Высказывание vs предложение

В английской языковой ментальности *предложению* — основной единице синтаксиса в лингвистике — вполне комплементарным оказывается суждение как основная единица логики. На это указывает изоморфность их структуры: субъект-связка-предикат и подлежащее-связка-сказуемое. Для европейца логика задает форму (оформление, разделение – знаки *аполлонического*): «Логическое суждение должно управлять предложением языка» [17, с. 558]. Отсюда строгая синтаксическая жесткость при построении предложений — аристотелевская логика прочно вросла в плоть европейских языков. Логика же, по Хайдеггеру, могла возникнуть как следствие разделения бытия и мышления [51, с. 200].

В русской языковой ментальности указанная комплементарность нарушается. Грамматическое предложение и логическое суждение получают значительную степень свободы по отношению друг к другу («язык — реальнее логики» [17, с. 558]). Русский человек «избегает строгих форм» [17, с. 557]), он склонен *высказываться!*

В русской речи, в отличие от английской, высказывание включает ситуацию [17, с. 579], а его модальность вариативна. Высказаться спокойно, однозначно и объективно невозможно, неэмоциональность в воспринимается как дефект. «Русские речь и письмо тропированы (образны), но не терминованы», почти половина лексики предполагает оценочные высказывания [26, с. 253].

В английском предложении что-то утверждается, в русском в высказывании нечто показывается, принадлежа другому регистру речи. «Русские, — подчеркивает Эпштейн, — говорят, все время оговариваясь, “как бы” демонстрируя сказанное» [29].

«С-казать — значит показать, об-явить, дать видеть, слышать», сделать нечто явным, открытым, поэтому, «существо языка — это «сказ». Язык — это — сказ, т. е. показ [52, с. 265–266].

В хайдеггеровском толковании язык предстает как таинственная энергия онтологического порядка: «Мы говорим не только *на* языке, мы говорим *от него*» [52, с. 266]. Что это значит? Говорить «на языке» — владеть языком как инструментом (буквально быть «носителем языка»). Говорить «от языка» — самому быть чем-то инструментальным («послушно прилежащим к языку», как бы «носимым языком»). Говорить мы можем благодаря тому, что мы сперва «услышали язык». Услышали не то, что сказано «на языке», а именно сам язык: «Мы слышим, как язык — говорит» [52, с. 266]. Что же он говорит прежде всякого нашего говорения? Можно ответить так: язык высказывает бытие, являет его для нас, создавая «пред-истолкованность мира».

Высказывание характеризуется повышенной чувствительностью и доверием к бытию. Вольность синтеза, богатство лексики, меональность русской речи [23] позволяют бытию чувствовать себя в русском языке-сказе как дома («язык есть дом бытия» [52, с. 272]).

Ощущению «родимого хаоса», «темной, не поддающейся просветлению стихии в русском народе» отвечает *дионисийский Логос*. На уровень языка такое мироощущение прорывается через высказывание (а не предложение) и связанную с этим «некоторую неписьменность языка». Русский язык несостоятелен в афористике, но он непревзойден в речевом жанре. Сказ — литературное воспроизведение форм устной речи, «устная письменность» — исконно русский культурный феномен: «Даже само слово “сказ” на европейские языки не переводится, а транскрибируется “skaz”» [29].

Сказ-высказывание в русском языке с его «вращательным» синтаксисом усиливается частицей «как бы», которая несет смысл неуверенности, вопросительности («как быть?») в противоположность предложению как утверждению в «поступательном» английском языке.

«Лингвистическая собственность vs послушность»

Хайдеггер, артикулируя гумбольдинианскую идею «языка как дара», говоря о способности «слышать язык», утверждает, что эта способность состоит в послушании языку [52, с. 266]. Быть послушным — признать власть слова (Логоса), а значит — бытия. Языки и люди, говорящие на них, существенно различаются в этом аспекте. Можно предположить, что философский предел лингвистической категории посесивности, выражающей идею обладания одного объекта другим, раскрывается через различение «носителей языка» и «носимых языком», если таким объектом выступает сам язык. Первые «несут» язык как собственный трофей, «отвоеванный» у бытия, вторые — воспринимают родной язык как властвующий над ними.

Позицию носителя английского языка выразил герой Л. Кэрролла, утверждая свое господство над словом в риторическом вопросе: «Кто из нас здесь хозяин?» [44, с. 175–176]. Шалтай-Болтай напоминает искусственного в лингвистических тонкостях филолога и философа-номиналиста.

Западные культуры и истории обозначают *свое право собственности на язык*: «замыкают язык извне, огораживают его стенами государственности и церковности» [46, с. 220]. С русскими — *все наоборот*: «Они со всех сторон омыты и опоясаны грозной и безбрежной стихией русского языка», который противится «назывательному и прикладному назначению» [46, с. 220–221]. Это рождает мысль, что «мы не распоряжаемся языком» [2, с. 76].

В русском языке иное отношение между словом и вещью: «Разве вещь хозяин слова? Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело» [47, с. 215]. В таком понимании вещи воспринимаются как «вещие», способные вещать о своем бытии. В древнерусском языке «вещий» — наделенный даром слова [43, т. 1, с. 97]. След этих представлений остался в современной разговорной речи («вещь говорит» нам о чем-то).

Слово в английском языке более инструментально, в русском — более фундаментально. Оно только вспыхивает в сознании человека, но принадлежит бытию [39, с. 24]. Русский язык тяготеет к выражению «Логоса бытия», английский — «Логоса сущего», что в хайдеггеровских терминах корреспондирует с онтологическим и онтическим, а в дугинских — с разными Логосами Ноомахии [15].

Аналитичность навязывает множественность, синтетичность — единство. Логос Кибелы отягощает множественность, овеществляет ее конкретностью. Его соприутствие с Логосом Аполлона создает в английском языке словесную избыточность в сфере наличного сущего, удваивая его порядок. Например, еда и пища разграни-

чиваются по принципам «живое/мертвое» (flesh — meat) «рациональное/стихийное» (food — diet), cow (bull) — beef, pig — pork. Русский язык строит подобное различие в другой модели (родо-видовой): разные виды мяса, употребляемого в пищу (свинья — свинина, корова — говядина), относятся к одному роду — «живое», различаясь лишь видово [17, с. 582]. Русская ментальность не отделяет животное от жизни, осмысляя процесс питания и еды онтологически: «Мы едим мир. <...> Еда есть натуральное приращение, — приобщение плоти мира» [39, с. 114–115], а разделение еды и пищи осуществляется по принципу «материальное-духовное».

В русском языке альянс дионисийского и аполлоллонического Логосов тоже удваивает мир. Поскольку для Аполлона «нет ничего тяжелого» [55, с. 136], дионисийскую синтетичность он воспаряет к абстрактности и идеальности, удваивая мир невещественного.

Русские калькированные заимствования дублируются: абстрактное увивается с отвлеченным, реальный существует при действительном, абсолютный — при полном, мораль(ность) при нравственности, схлопываясь в английских abstract, reality, morality. Умиравший и воскресающий Дионис «знает, какие глубины и высоты сокрыты в человеке, он испытывает их» [55, с. 137]. С его парадоксально двойственным Логосом связана типичная для русской ментальности склонность к морально-оценочной категоризации в жизни и снятие оппозиции в ее толковании: «нет худа без добра», «да» не существует без «нет», и тому подобное.

Обилие и богатство бытийных предложений служат основанием для отнесения русского языка к «языкам бытия» (be — languages), которые лингвисты противопоставляют языкам обладания (have — languages), включая в них английский [1, с. 790].

В философии категории «бытие» и «обладание» трактуются как *два разных способа существования человека в мире*, две разных культуры и два разных типа общественного сознания. Обладание проявляется в стремлении превратить все в свою собственность, лингвистически выражаясь глаголом «иметь», предположительно связанным с возникновением частной собственности. Бытие выражает причастность к миру и противоположность видимости, оформляясь в конструкции «это относится ко мне» / «у меня есть». В развитии многих европейских языков она была первична, но вытеснялась конструкциями «я имею» и «иметь+существительное», выражающей действие через понятие обладания с заменой смыслового глагола. Например, вместо «меня это беспокоит» человек говорит «имею проблему» [50, с. 233–239]. Э. Фромм видит в этом возрастающую степень отчуждения человека от бытия, М. Хайдеггер — еще и основу нашего отчуждения от языка [51, с. 132].

Отмеченная тенденция наиболее характерна для английского языка, в котором have — один из наиболее употребительных глаголов. Даже выступая в качестве вспомогательного в группе времен Perfect, он неявно фиксирует *обладание* результатом действия, обозначаемого смысловым глаголом. При переводе на язык-бытия значение обладания опускается как несущественное в нем, хотя буквально I have read the book — Я *имею* книгу прочитанной (обладание приравнивается к активному действию).

Когда have выступает как смысловой глагол (I have the book), русская версия удваивает смысл: кроме «я имею книгу», возможен другой расклад в мире — «у меня [есть] книга». Здесь обнаруживается неравноценная для русской ментальности замена «иметь» на «быть / есть», акцентирующая значимость бытия самого по себе. Нас с книгой имеет мир, единственный собственник-хранитель нас — слово «есть». Связка «есть / быть», выражая «мировую связь всего со всем, космический коммунизм бытия» [40,

с. 71], не является грамматически обязательной, но всегда подразумевается даже при ее отсутствии в предложении. Образно выражаясь, онтология русского языка превосходит его грамматику.

Установка, выражающая отношение носителей языка к языку, как распорядителей к своей собственности, реализуется в английском языке по-разному. Эта установка обнаруживается в иррациональности орфографии [48], в словообразовании — в немотивированности родственного ряда слов (например, *head — chapter — capital — chief*), в морфологии — через господство над частями речи. Простота морфологической структуры многих английских слов и отсутствие маркеров, указывающих на их принадлежность к той или иной части речи, позволяет словам легко превращаться из одной части речи в другую. За счет этого английский вокабуляр стал «одним из самых больших в мире» [48]. Этот факт символически указывает на образ Великой Британии, претендующей на авторитет мировой державы не только в политическом, но и в лингвистическом смысле.

Весьма символично устройство алфавита. Буква I располагается почти в середине английского алфавита. Ее особое положение в языковых конструкциях всегда подчеркнуто заглавным написанием местоимения. С истинным английским лицемерием правило предписывает ставить I на последнее место при перечислении субъектов в предложении. Но по сути — оно первое, являясь прототипическим подлежащим речи. Английский язык характеризуется как «I-language» [22, с. 18–26].

Такой «грамматический снобизм» отражает английскую ментальность и в других аспектах (психологическом, политическом, социальном). Личность — концептуальное понятие всей европейской культуры. Английский язык едва ли не рекордсмен по числу лексических единиц для выражения индивидуальной неповторимости личности [26, с. 253].

В русском алфавите буква «а» «есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю», только в конце он как бы распрямляется в шагающую букву «я» [42, с. 199–200]. Название первой буквы возникло из ее старого имени «азь», восходящего к личному местоимению первого лица. В современном алфавите «я» — последняя буква, как и в русском сознании соответствующее ей понятие: «В русской ментальности осуждается *ячество* как нескромное выделение себя из общей среды и общества» [43, т. 2, с. 515]. Специфически русский глагол «якать» непереводим. Аналогичным по негативности в английском языке является глагол *to thou*, соответствующий русскому глаголу «тыкать». Английское I равноудалено от других субъектов коммуникации: всем можно сказать одинаково — *you*. Русский язык, различая «Вы» и «ты», эмоционально расщепляет «ты» бескомпромиссным выражением близости или презрения.

Онтологические и гносеологические аспекты ментально-языковых различий проявляются в объективации феномена понимания.

В английском языке понимание выражается, прежде всего, с помощью глагола *understand*, который считается уникальным, не имеющим аналога в славянских языках [16, с. 252]. В его основе лежит пространственная метафора: понимание как пребывание в особом положении, позволяющем «получать», «замечать», «схватить» истину [60, р. 210]. Буквальное значение *understand* — «стоять под небом, Богом», «приобщиться к Мировому Разуму, к Божеству; тянуться к небу» [45, с. 352]. Родственный ему *understandan* самый древний зафиксированный английский глагол понимания [60, р. 215]. В древнеанглийском он означал «*comprehend, grasp the idea of*» [58], что явно отсылает к платоническим истокам сущности понимания как умозрения, при-

чем *standan* может быть связан со светом (сиять, мерцать) [60, p. 214]. С XVI–XVII вв. в новоанглийском *understand* употреблялся лишь в значении «понимать» [16, с. 251]. Английский эмпиризм связал понимание с чувственным опытом, акцентируя важность физического зрения. Это объясняет включение глагола *see*, имеющего первым значением «to become aware of somebody/something by using your eyes» [59, p. 1373], в круг глаголов понимания.

Отталкиваясь от историко-этимологических данных, можно заключить, что модальность понимания в английской ментальности выражена через зрение (понимание достигается как состояние ясности). Подчеркнута активная позиция субъекта: *I see / understand*. Понимание — это итог его активного, деятельностного отношения к миру, несущего в себе выраженную семантику результата.

В русском языке «понять» — значит сделать *своим* («усвоить»). Этимологически это слово восходит к древнерусскому «яти» — «хватать, овладеть» схваченной слухом мыслью. «Подыскание слова для мысли оказывается уже вторичным поступком, пересказом, переводом неслышного смысла. Слышимая речь — это всегда уже некое «иначе говоря» [2, с. 80]. Англичанин скажет: «Я понял», русский: «До меня дошло». Что дошло? Смысл, слово. «Слово» и «слух» одного корня. Русское слово связано со слышанием [17, с. 45]. В русской ментальности модальность понимания выражена через слух. Понимание буквально означает внимание: к речевой норме относится выражение: «Я весь внимание», чтобы понять надо быть внимательным, внимать языку-сказу.

Если учитывать идею языка-сказа Хайдеггера, становится понятно, что аудирование — самое трудное в изучении языков. Слух особенно противится при несовпадении модальностей понимания. Варвары — слуховой термин, который греки закрепили за чужестранцами. Поскольку русская речь имеет эллинистическую природу, постольку английская речь для русского уха звучит так же, как для эллинского речь варвара. Критикуемая Эпштейном темнота и замысловатость русского языка [29] — иное название содержания, невидимого для носителя другой ментальности.

«Грамматический центр»: глагол vs существительное

Центр английской грамматики — существительное, русской — глагол [17, с. 49]. За этим стоит совершенно разная онтология. «В слове “существительное” слово “бытие” уже имплицитно содержится» [24, с. 67], но английский язык «видит» только сущее. В русском — бытие прорывается через глагол. Несмотря на присутствие в культуре религиозной традиции имяславия и философии имени, «русский глагол» оказался для лингвистов-славянофилов средоточием уникального русского начала в языке [9; 17, с. 49]. Русской глагольности, как выразителю активного аполлонического начала, противостоит английская номинативность, отягощенная Логосом Кибелы.

В английском языке существительное — самая многочисленная и употребляемая часть речи. Она отяжеляет английскую языковую ментальность предметностью. По типу мышления: англичанин — «номиналист от рождения», признающий реальность конкретных вещей прежде их имени-слова, и рационалист «с душком эмпирика» [17, с. 573].

Эмпиризм глубоко укоренен в традициях английской философии. Абстрактная мысль вызывает у англичан отвращение, смешанное с ужасом [49]. В английском языке даже отвлеченные, абстрактные существительные, (пространство, время, атом) приобретают осязаемую конкретность. Мантра современности «время — деньги» — английский фразеологизм, несмотря на то, что часы — изобретение немецкое. Но если

у немцев оно внесло в их метальность любовь к порядку [54, с. 142], то англичане овеществили само понятие времени, приписав ему стоимость: *time is money*. «Сегодня можно с уверенностью обобщить — английский язык стал языком мира денег» [13, с. 73], символом «царства количества» [12, с. 536]. Для Р. Генона современная материальная цивилизация, выросшая из англосаксонского эмпиризма, рационализма и прагматизма, определяется как количественная [12, с. 103].

Колониальные и лингвистические амбиции воплощены в островном мышлении англичан и иррациональной орфографии языка. Если принять во внимание связь атомизма и алфавита, то аналогия напрашивается сама собой: атомы-буквы, хаотично двигаясь, без всякого правила складываются в тела слов. Великая абстракция греческого разума — атом (главное понятие *Логоса Кибелы*, возводящего материальность в высший принцип) — приобрела в английском языке вполне овеществленную предметность — *corpuscule* (little body).

Греческий атомизм, надолго забытый в европейской философии, взял победный реванш благодаря именно английским философам и ученым [15, с. 389]. Не умаляя их заслуг, подчеркнем, что интернет-мем «британские ученые» возник в сознании носителей именно русского языка, тяготеющего к реализму.

Для них реальность слова более чем очевидна. Поэтому в разговорной речи эмоциональное «Я сказал!» вполне сходит за весомый аргумент. То, что в русской ментальности убеждение оказывается весомее логичного доказательства, говорит о достаточности слова, которое не обязательно должно подтверждаться на опыте или перейти в дело.

Английский язык отражает деловитость своих носителей универсальностью и всеприсутствием вспомогательного глагола *do* в каждом акте мысли. В ритуально-приветственных «How do you do?» и «How are you?» почти неразличимы человек и дело. В русской ментальности «жить-поживать» («жить-быть») и «дело делать» могут не совпадать. «В русской культуре принято отвечать “честно”, описывая реальное состояние дел», в английской — лицемерно, отвечая «хоть на смертном одре»: «Fine, thank you» [25, с. 171].

Различия между языками — это различие в мироощущении (мир сквозь язык ощущается взглядом, тактильным ощупыванием или слухом), мировосприятии (мир воспринимается как нарезанная логикой опыта совокупность вещей — реальность (от лат. *res* — вещь) или как знаменитое «всеединство»), это различие в миропонимании (ежедневный быт, толкование мира).

Англичанин, будучи *self-made-man* («само-сделанным человеком»), понимает мир через вещи. Иное как бы не предусмотрено грамматическими структурами языка. Что остается в пространстве, если в нем нет вещей? Ничего — *no-thing* (не-вещь). Более точный русский аналог *nothing*, созданный в логике английского языка, — «ничто»: если *thing* — это «что-то» (*anything*), то ее отрицание — «не-что-то». Русский язык не терпит пустоты! Он рождает еще одно существительное для обозначения мира — действительность. В русской ментальности оно обнаруживает наполненность мира энергиями, который действует как самостоятельный субъект. Отсюда первоочередное внимание к глаголу — «абсолютному центру предложения» [9], обычно употребляемому в позиции сказуемого. «Глагольность» русского языка можно назвать «сказуемостью». Мир сказывается, выговаривается языком своих носителей.

Сказуемость, сказ, сказка — онтологически-антропологические аспекты хайдеггервской триады (событие, сказ, бытие) выражают специфику русского мироощущения

и языковой ментальности. С ними связаны сказочно-утопическое сознание и распространённость безличных конструкций в особенности в народной и разговорной речи [5, с. 73–74].

В русской ментальности не просто сохраняется, но и разрастается тенденция отстраненности человека от активизма по отношению к миру. В грамматике даже сегодня она проявляется значительным расширением сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций. Для русского языка характерно представлять действие как независимое от человека событие, в которое он вовлечен [1, с. 801–806]. Такое течение жизни, органично для русского бытия: жить как живется, «любить, куда любит, прощать пока прощается».

В космологии Гачева культуры различаются в зависимости от понимания онтологического вопроса: одни порождаются Природой, другие производятся Трудом («гония» или «ургия»). В Англии превалирует «ургия» (от греч. суффикса делания — *ourg*), в России — «гония») [11, с. 67]. Язык фиксирует это различие. Принцип «гонии» соответствует жизни «по течению», оформляемой в русском языке «особой синтаксической конструкцией, с трудом переводимой на другие европейские языки» [1, с. 801–807]. Поэтому Обломов остается таким понятным и близким русскому сердцу персонажем, так и непереуверенным на язык Штольца, который был составлен из европейской ментальности, «костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь» [41], успешно плывущая *против течения жизни!*

Философское содержание категорий безличности, возвратности и непереходности русского глагола, вероятно, выражает глубинные онтологические паттерны в русской ментальности: с-мирение как отказ от власти «над миром» и желание быть «с миром», что можно назвать неагентивностью [5, с. 34], со-бытие — «возвратность к бытию» и совместное бытие с другими. Частица «-ся» не только закольцовывает самодостаточное действие глагола, но и задает «вращательность» грамматическому строю языка: постоянно хочется вернуться к сказанному. Вот она — фатальная для билингва невозможность «любого *summary*» [29] в русском тексте!

Заключение

Различия ментальностей русского и английского языков обнаруживают неявный метафизический контекст Ноомахии. У нас слишком разные «Национальные Умы» (Психо-Логосы). «Русский ум начинается с некоторого отрицания» («не то, а ... (что?)»), английский — с утверждения («это есть то»), отрицание — это уже второй акт в формуле логики многих европейских языков [11, с. 73]. Одни — «носимые» языком, другие — его «носители». Одни хозяева в «доме бытия», другие — гости.

Сложная игра собственных логосных структур языков выражает разные сопричастия Логосов Аполлона, Диониса и Кибелы. В русском языке доминируют дионисийское и аполлоническое начало, в английском — аполлоническое и кибелическое.

В философской оптике особенности языковой ментальности выглядят как в камере-обскура. Так, прямота и жесткость английского синтаксиса оборачивается лицемерной мягкостью манер, подчеркнутой вежливостью, нормированной в культуре [18; 21]. Вольности и эмоциональной стихийности русского синтаксиса соответствует прямота души русского человека.

Логосные структуры языков не просто конфликтуют, они находятся в обратно-пропорциональной зависимости, как прямая и обратная перспектива, как будто мы живем на разных полюсах планеты.

Список литературы

Исследования

- 1 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- 2 Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
- 3 Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М.: Садр: Издательский дом ЯСК, 2019. 800 с.
- 4 Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 29–39.
- 5 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- 6 Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005. 192 с.
- 7 Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- 8 Гадамер Г. История понятий как философия // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26–43.
- 9 Гаспаров Б. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли // Логос. 1999. № 4. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_05.htm (дата обращения: 05.01.2022)
- 10 Гачев В.Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 855 с.
- 11 Гачев Г. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 57–78.
- 12 Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
- 13 Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
- 14 Гусева А.А. Что такое грамматика? (Грамматика как философская проблема) // Электронный философский журнал Vox / Голос. Вып. 16 (июнь 2014). URL: <https://vox-journal.org/content/vox16/Vox16-GusevaAA2.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).
- 15 Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибелла. М.: Академический проект, 2014. 447 с.
- 16 Каныгина Н.В. Семантическое ядро и периферия лексико-семантической группы глаголов понимания в английском языке // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 250–252.
- 17 Колесов В.В. Русская ментальность в языке и в тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
- 18 Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
- 19 Латыпов Н., Вассерман А. Предисловие // Тэтчер М. Автобиография. М.: АСТ, 2014. 798 с.
- 20 Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
- 21 Малащенко М.В. Английская ментальность и ее характерные особенности // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве:

- коллективная монография. Майкоп: Алтайский государственный университет, 2015. С. 103–118.
- 22 *Матезиус В.* О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. С. 18–26.
- 23 *Порошина А.М.* Меональность русской речи // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 47–49.
- 24 *Романенко Ю.М.* Бытие и естество: онтология как типы философского знания. СПб.: Алетейя, 2003. 779 с.
- 25 *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.
- 26 *Тульчинский Г.В.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 1996. 412 с.
- 27 *Шмелев А.Д.* Терпимость в русской языковой картине мира // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 111–124.
- 28 *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
- 29 *Эпштейн М.* Говорит ли философия по-русски? // Snob.ru. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/132510> (дата обращения: 01.05.2021).
- 30 *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: ALEXANDRIA, 2007. 423 с.
- 31 *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гвовис, 1994. 344 с.
- 32 *Phillipson R.* Linguistic Imperialism // Researchgate.net. URL: https://www.researchgate.net/publication/31837620_Linguistic_Imperialism_R_Phillipson (дата обращения: 01.05.2021).

Источники

- 33 *Аксаков К.* О русских глаголах // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_o_russkih_glagolah-1.shtml (дата обращения: 24.12.2021).
- 34 *Бердяев Н.А.* Русская и польская душа // *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1990 (репринтное воспроизведение издания 1918 г.). С. 160–166.
- 35 *Бердяев Н.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- 36 *Блок А.* Интеллигенция и революция // *Блок А.* Собр. соч. в 8 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 6. Проза. 1918–1921. С. 9–20.
- 37 *Блок А.* О назначении поэта // *Блок А.* Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 6. Проза. 1918–1921. С. 160–168.
- 38 *Браиловский С.Н.* Один из пестрых XVII столетия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. 494 с.
- 39 *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // *Булгаков С.Н.* Собр. соч. в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 49–297.
- 40 *Булгаков С.Н.* Философия имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 278 с.
- 41 *Гончаров И.А.* Обломов. URL: <http://public-library.ru/Goncharov.Ivan/oblomov.html> (дата обращения: 29.03.2023)

- 42 *Есенин С.* Ключи Марии // Есенин С. Полн. собр. соч. в 7 т. М.: Наука-Голос, 1997. Т. 5. Проза. С. 186–214.
- 43 *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности. В 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 592 с. Т. 2. П-Я. 592 с.
- 44 *Кэрролл Л.* Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. 360 с.
- 45 *Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Издательский дом «Диалог», 1999. 416 с.
- 46 *Мандельштам О.* О природе слова // *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. С. 217–231.
- 47 *Мандельштам О.* Слово и культура // *Мандельштам О.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. С. 211–216.
- 48 *Оруэлл Дж.* Англичане // Orwell.ru. URL: http://orwell.ru/library/essays/English_People/russian/r_eppl (дата обращения: 01.05.2021).
- 49 *Оруэлл Дж.* Лев и единорог: социализм и английский гений // Orwell.ru. URL: https://www.orwell.ru/library/essays/lion/russian/r_eye (дата обращения: 29.03.2023).
- 50 *Фромм Э.* Иметь или быть? // *Фромм Э.* Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ МОСКВА, 2009. 442 с.
- 51 *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
- 52 *Хайдеггер М.* Путь к языку // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
- 53 *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Vehi.net. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 01.05.2021).
- 54 *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 663 с.
- 55 *Юнгер Ф.Г.* Греческие мифы. СПб.: Владимир Даль, 2006. 398 с.
- 56 *Chomsky N.* Language and mind. Enlarged Edition. N. Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta: Harcourt, Brace, Jovanovich, Inc., 1972. 194 p.
- 57 *Hall E.T.* The Silent Language. N. Y.: Doubleday, 1959. 249 p.
- 58 *Harper D.* Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/understand> (дата обращения: 01.05.2021).
- 59 *Hornby A.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford, 2005. 1780 p.
- 60 *Lieberman A.* An analytic dictionary of English etymology: an introduction. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 368 p.
- 61 *Mikes G.* How to Be an Alien. L., N. Y.: Penguin Books, 1969. 50 p.

© 2023. Ludmila A. Maksimenko
Omsk, Russia

**METAPHYSICS OF LANGUAGE MENTALITY:
TO THE ISSUE ARTICULATIO**

Abstract: The relevance of the present research is determined by the ambiguity of understanding the issue of “one's own-another's” in relation to the boundaries of the world defined by the native language. Suppose that “any language can be learned in such a way” that we will not need translation and will be able to “think in this language” [7, p. 448]. However, will it be the same as in Russian? Is it possible to master a foreign language by making it your own? The paper suggests looking at the “wars of languages” as the idea of Noomachia (deep “war of minds”) and tries to find its traces. The author discovers the grammatical features of the Russian and English languages and interprets them as their own logos structures of languages. They manifest themselves in syntax (chaos vs order), in the way a person speaks the world (statement vs sentence), in the difference between the philosophical limit of possessiveness (“linguistic property vs obedience”) and “grammatical centers” (verb vs noun). They express ontological and philosophical-anthropological and socio-cultural aspects of mental linguistic differences and metaphysically conflicting combinations of Logos of Noomachia. Russian is dominated by Dionysian and Apollonian, in English — Apollonian and Cybelic, which is reflected in the psycho-emotional constitution of Russians and Englishmen and cultural and linguistic norms. English is the “language of time”, Russian is the “language of space”. Russian language and mentality are qualitative, English is quantitative. Language “carries” some, others are its “carriers”. English reduces being to existing material things, Russian — breaks through to the being. The scale of these differences is so great that it allows their interpretation in terms of the speculative hypothesis of Noomachia in relation to the sphere of language.

Keywords: Language, Mentality, Logos Structure, Culture, Ontology, Being.

Information about author: Ludmila A. Maksimenko, PhD in Philosophy, Docent, Omsk State Medical University, Lenina St., 12, 644099 Omsk, Russia;

Omsk State Agrarian University, Institutskaya Sq., 1, 644008 Omsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4779-7411>

E-mail: maw60@yandex.ru

Received: July 21, 2021

Approved after reviewing: January 28, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Maksimenko L.A. “Metaphysics of Language Mentality: to the Issue Articulatio” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 77–94. (In Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-77-94>

References

- 1 Arutiunova, N.D. *Iazyk i mir cheloveka [Language and the Human World]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)
- 2 Bibikhin, V.V. *Iazyk filosofii [The Language of Philosophy]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

- 3 Borodai, S.Iu. *Iazyk i poznanie: Vvedenie v postreliativizm [Language and Cognition: An Introduction to Postrelativism]*. Moscow, Sadra: Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2019. 800 p. (In Russ.)
- 4 Briushinkin, V.N. "Fenomenologiya russkoi dushi" ["The Phenomenology of the Russian Soul"]. *Voprosy filosofii*, no. 1, 2005, pp. 29–39. (In Russ.)
- 5 Vezhbiikaia, A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]*. Moscow, Pucskie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)
- 6 Visson, L. *Russkie problemy v angliiskoi rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur [Russian Issues in English Speech. Words and Phrases in the Context of Two Cultures]*. Moscow, R. Valent Publ., 2005. 192 p. (In Russ.)
- 7 Gadamer, G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenetiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)
- 8 Gadamer, G. "Istoriia poniatii kak filosofii" ["The History of Concepts as Philosophy"]. Gadamer, G. *Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of the Beautiful]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1991, pp. 26–43. (In Russ.)
- 9 Gasparov, B. "Lingvistika natsional'nogo samosoznaniia (Znachenie sporov 1860–1870 gg. o prirode russkoi grammatiki v istorii filosofskoi i filologicheskoi mysli)" ["Linguistics of National Identity (The Meaning of the Disputes of 1860–1870 on the Nature of Russian Grammar in the History of Philosophical and Philological Thought"]]. *Logos*. No. 4. 1999. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_05.htm (Accessed 05 January 2022). (In Russ.)
- 10 Gachev, V.D. *Germanskii obraz mira. Germaniia v sravnenii s Rossiei [The German Image of the World. Germany in Comparison with Russia]*. Moscow, Akademicheskii proekt; Fond "Mir" Publ., 2019. 855 p. (In Russ.)
- 11 Gachev, G. "Natsional'nyi kosmo-psikho-logos" ["National Cosmo-Psycho-Logos"]. *Voprosy filosofii*, no. 12, 1994, pp. 57–78. (In Russ.)
- 12 Genon, R. *Krizis sovremennogo mira [The Crisis of the Modern World]*. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 784 p. (In Russ.)
- 13 Golovanivskaia, M.K. *Mental'nost' v zerkale iazyka. Nekotorye bazovye kontsepty v predstavlenii frantsuzov i russkikh [Mentality in the Mirror of Language. Some Basic Concepts in the Representation of the French and Russians]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009. 376 p. (In Russ.)
- 14 Guseva, A.A. Chto takoe grammatika? (Grammatika kak filosofskaia problema) [What is Grammar? (Grammar as a Philosophical Problem)]. *Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox / Golos*. Vol. 16 (June 2014). Available at: <https://vox-journal.org/content/vox16/Vox16-GusevaAA2.pdf> (Accessed 01 May 2021). (In Russ.)
- 15 Dugin, A.G. *Noomakhia: voiny uma. Tri Logosa: Apollon, Dionis, Kibella [Noomachia: Wars of the Mind. Three Logos: Apollo, Dionysus, Cybella]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 447 p. (In Russ.)
- 16 Kanygina, N.V. "Semanticheskoe iadro i periferiia leksiko-semanticheskoi gruppy glagolov ponimaniia v angliiskom iazyke" ["Semantic Core and Periphery of the Lexico-Semantic Group of Verbs of Understanding in the English Language"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (36), 2012, pp. 250–252. (In Russ.)
- 17 Kolesov, V.V. *Russkaia mental'nost' v iazyke i v tekste [The Russian Mentality in Language and Text]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 624 p. (In Russ.)

- 18 Larina, T.V. *Kategoriia vzhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
- 19 Latypov, N., Vasserman, A. "Predislovie" ["Preface"]. Tetcher, M. *Avtobiografiia* [Autobiography]. Moscow, AST Publ., 2014. 798 p. (In Russ.)
- 20 Losev, A. F. *Mifologiiia grekov i rimlian* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow, Mysl', Publ., 1996. 975 p. (In Russ.)
- 21 Malashchenko, M.V. "Angliiskaia mental'nost' i ee kharakternye osobennosti" ["The English Mentality and its Characteristic Features"]. *Kognitivnaia paradigma mental'nosti v etnolingvokul'turnom prostranstve: Kollektivnaia monografiia* [The Cognitive Paradigm of Mentality in the Ethno-Linguistic and Cultural Space: Collective Monograph]. Maikop, Altai State University, 2015, pp. 103–118. (In Russ.)
- 22 Matezius, V. "O lingvisticheskoi kharakterologii (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)" ["About Linguistic Characterology (Based on the Modern English Language)"]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], vol. XXV, Kontrastivnaia lingvistika: Perevody [Contrastive Linguistics: Translations]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 18–26. (In Russ.)
- 23 Poroshina, A.M. "Meonal'nost' russkoi rechi" ["The meonality of Russian speech"]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012. no. 1. pp. 47–49. (In Russ.)
- 24 Romanenko, Iu.M. *Bytie i estestvo: ontologiiia kak tipy filosofskogo znaniia* [Being and Nature: Ontology as types of philosophical knowledge]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 779 p. (In Russ.)
- 25 Ter-Minasova, S.G. *Voina i mir iazykov i kul'tur* [War and Peace of Languages and Cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p. (In Russ.)
- 26 Tul'chinskii, G.V. *Samozvanstvo. Fenomenologiia zla i metafizika svobody* [Imposture. The Phenomenology of Evil and the Metaphysics of Freedom]. St. Petersburg, Christian Academy for the Humanities, 1996. 412 p. (In Russ.)
- 27 Shmelev, A.D. "Terpimost' v russkoi iazykovoi kartine mira" ["Patience in the Russian Language Picture of the World"]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguistic-Cultural Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS, 2005, pp. 111–124. (In Russ.)
- 28 Shmelev, A.D. *Russkaia iazykovaia model' mira: Materialy k slovari* [Russian language model of the world: Materials for the dictionary]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 224 p. (In Russ.)
- 29 Epshtein, M. "Govorit li filosofiiia po-russki?" ["Does Philosophy Speak Russian?"]. Snob.ru. Available at: <https://snob.ru/profile/27356/blog/132510> (Accessed 01 May 2021).
- 30 Eko, U. *Poiski sovershennogo iazyka v evropeiskoi kul'ture* [The Search for the Perfect Language in European Culture]. St. Petersburg, ALEXANDRIA Publ., 2007. 423 p. (In Russ.)
- 31 Iakovleva, E.S. *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiiia)* [Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gvovis Publ., 1994. 344 p. (In Russ.)
- 32 Phillipson, Robert "Linguistic Imperialism". *Researchgate.net*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/31837620_Linguistic_Imperialism_R_Phillipson (Accessed 01 May 2021). (In English)